

В. Г. Короленко

Ангел Иванович Богданович

Черты из личных воспоминаний

Оригинал здесь -- http://annensky.lib.ru/names/bogdanovich/bogdan_ai.htm

В 1885 году, после долгих скитаний, судьба закинула меня в Нижний Новгород. Город для меня был чужой, знакомых вначале не было. Единственное учреждение, родственное, так сказать, по духу всякому российскому интеллигентному скитальцу, -- была общественная библиотека, в которой я и проводил не мало часов за книгами и газетами. Однажды, сидя таким образом за читальным столом и подняв глаза, я встретил взгляд сидевшего напротив меня очень молодого человека, в очках. Казалось, он хотел заговорить о чем-то, но затем опять опустил глаза в книгу, а вскоре поднялся и вышел.

Я сразу почувствовал в этом незнакомом молодом человеке что-то родственное, точно мы принадлежали оба к какому-нибудь ордену и угадывали это товарищество по неуловимым признакам.

Дня через два мой брат, тоже вернувшийся из библиотеки, сказал, что там к нему подошел и познакомился с ним молодой человек, бывший киевский студент, живущий в Нижнем под надзором полиции.

Это был Ангел Иванович Богданович.

Поляк по происхождению, католик по исповеданию, А. И. Богданович в детстве попал вместе с семьей в Нижегородскую губернию, где вырос и получил среднее образование. Впечатления Приволжского края окружали, таким образом, его детские годы, русская гимназия дала ему знания и товарищество, русская литература естественно и просто заполонила молодую душу. Не забывая родного языка, он, однако, был русским по главному содержанию чувства и мысли. Это не был переход от "завоеванных" к торжествующим "завоевателям". Какая Россия влекла к себе душу молодого поляка, видно хотя бы из того состояния "поднадзорности", в каком мы с братом застали его в Нижнем. В журнале "Былое" (январь 1907 года) в статье А. Баха сообщаются некоторые сведения о "деле", по которому привлекался в Киеве Богданович. Студентом (кажется, третьего курса медицинского факультета) он принадлежал к одному из кружков, главой которого был Левинский, отставной военный, о котором г. Бах говорит, как о человеке необыкновенно обаятельном. Кажется, никаких еще прямо "преступных" действий кружок совершить не успел. Сближались с молодежью и рабочими, причем дело сводилось главным образом на разговоры. У Левинского были некоторые связи с военными, и он "готовился" открыть тайную типографию, для которой пока у него было припасено только немного шрифта. В одно апрельское утро 1882 г. Левинский вместе с Богдановичем были арестованы на улице, и в их общей квартире была найдена при обыске "81 точка" из типографского шрифта, случайно завалившаяся за сундук в то время, когда шрифт убирали, чтобы перенести в другую квартиру.

Времена были суровые. В Киеве свирепствовал военный прокурор знаменитый Стрельников, терроризировавший даже судей и добивавшийся нередко самых суровых приговоров вплоть до смертной казни по ничтожным поводам. Долго просидев в крепости, Богданович на суде произнес остроумную речь, в которой указал судьям на фантазмагорическое несоответствие между статьей 249, карающей смертной казнью за деяния, грозящие ниспровергнуть насильственным образом существующий строй, и... "восемьдесят одной точкой", найденной в его квартире. Эта речь, а, может быть, также молодость и симпатичность юного студента способствовали тому, что Богданович даже стрельниковским военным судом был оправдан. Но университетская карьера его была прекращена высылкой из Киева в Нижний.

В то время, к которому относится наше знакомство, А. И. Богданович жил в Нижнем уже третий год, занимаясь частными уроками. Семья его переехала в другой город. Он был одинок, и настроение его было довольно пессимистическое. В свободные часы он усердно штудировал Шопенгауэра¹, который в то время читался молодежи так же сильно, как в 90-х годах более, впрочем, легкий Ницше². К своей недавней революционной карьере он относился иронически, о "положении вещей" и возможности борьбы за лучшее отзывался с насмешливой горечью, речи его были пересыпаны парадоксами и сарказмами. Но под всем этим чувствовалось горячее сердце и беспокойный ум, ищущий все-таки выхода и решений. Вскоре все в нашей семье привязались к молодому пессимисту, и часто в нашей скромной квартирке слышались его желчные, порой остроумные выходки, возражения и споры.

В то время он все еще продолжал мечтать о довершении медицинского образования, и, несмотря на то, что он прошел всего три курса, - он любил давать медицинские советы, обнаруживая при этом познания, значительно превышавшие его университетский ценз. Нам всем казалось тогда, что настоящее